

ВАЛЕНТИНА ЛИМЕРОВА

Институт языка, литературы и истории Коми
НЦ УрО РАН, Сыктывкар

СПЕЦИФИКА ПРЕЗЕНТАЦИИ КОМИ ФОЛЬКЛОРА В НАРОДОВЕДЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ КОМИ КРАЯ XIX В.

Существенную часть литературного наследия Коми края XIX века составляет очерковая проза, имевшая целью описание отличительных свойств региона со стороны географической, экономической, этнографической. Отвечая потребности общества в научном знании о северных землях и народах империи, она создавалась местной интеллигенцией на русском языке и в немалой степени способствовала формированию представлений о коми-зырянах и их родине у российского читателя. Свойственные этой познавательной словесности черты наиболее рельефно проявились в ее образцах, обладающих народоведческим содержанием. Это очерки о происхождении зырян, их хозяйственной и обрядовой жизни, лингвистические наблюдения, заметки об устнопоэтическом творчестве. Фольклорным и этнографическим материалом для автора-очеркиста служили собственные наблюдения, в то же время правда жизни подавалась им в определенном ракурсе: из примет быта и обычаев, народных сочинений и языка выводился обобщенный психотип зырянина, складывался нравственный портрет народа. Акцент на народной психологии и нравственности, очевидно, был связан с внутренней потребностью местного образованного человека заявить свои наблюдения, касающиеся этнических качеств коми-зырян, но еще больше — с состоянием современной ему отечественной этнографической науки.

Надо сказать, что круг явлений, осваиваемых «зыряноведческим» очерком, определялся не столько самими авторами,

сколько их участием в сборе разнообразных сведений для Русского географического общества, объявившего своей целью «познание разных племен, обитающих в нынешних пределах государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковедения, как в нынешнем, так и прежнем состоянии народов»¹. Известно, что в 1848 году Обществом была разослана во все губернии специальная программа по сбору этнографической информации, которая стимулировала на местах краеведческое движение и появление в печати сочинений соответствующей тематики². В то же время нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что в деятельности своих корреспондентов РГО приветствовалось не все формы научно-краеведческой работы. Провинциальный краевед был ценен для Общества в качестве этнографа-полевика. Об этом красноречиво свидетельствуют отзывы члена-корреспондента Императорской академии наук по Отделению русского языка и словесности Павла Савvaitова на рукописи, полученные Обществом от усть-сысольского³ краеведа и литератора Степана Мельникова. 5 июня 1852 года по поводу мельниковских материалов Савvaitов пишет следующее:

Зырянская азбука уже известна, зырянские пословицы и загадки, заметки о словах, употребляемые в игре зырянскими мальчиками, два заговора, две присказки могут быть хранимы до получения других сведений такого же рода. Впоследствии, когда запас таких сведений увеличится, можно будет воспользоваться ими для составления особенной этнографической статьи о зырянах. С.Е. Мельников заслуживает благодарности Общества за доставленные труды⁴.

Положительно оценив усилия Мельникова по сбору народных текстов, Савvaitов довольно резко отзываясь о его литературных начинаниях. Так, по поводу сочинений *Тунныр Як, зырянский колдун и разбойник* и *Лешакъяс, или Кедровые шишки (Лешаки, или Кедровые шишки)* рецензент замечает:

¹ Л. Берг, *Всесоюзное географическое общество за сто лет*, Издательство Академии Наук СССР, Москва-Ленинград 1946, с. 33.

² А. Васкул, *Этнографическая программа Русского географического общества // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Серия Русский фольклор. Материалы и исследования*, <http://lib2.pushkinskiydom.ru> (16.04.2018).

³ Усть-Сысольск — ныне столица Республики Коми г. Сыктывкар.

⁴ П. Савvaitов, *Отзыв на материалы чистопольского мещанина Мельникова // Рукописный отдел РНБ, F-XVII-70, л. 2-3.*

если бы г. Мельников вместо своего составления зырянских повестей и сказок в стихах, собрал рассказы и сказки зырян в том самом виде, какой они имеют в устах народа, то труд его был бы полезнее и действительно заслужил бы внимание и одобрение, потому что в таком безыскусственном виде он мог бы знакомить читателей с духом и понятиями зырянского народа⁵.

Как видим, Савваитов не отрицает саму возможность приобщения провинциальной интеллигенции к литературному труду, но ставит под сомнение своевременность и научную пользу олитературенных устнопоэтических текстов. Раздражительный тон, с которым он говорит о литературных начинаниях Степана Мельникова, объясняется особым отношением Савваитова к устному народному творчеству. В своей *Грамматике зырянского языка* (1850) он пишет, что в продолжение пятилетней службы в Вологде он имел возможность близко узнать зырян, и главную цель своего труда он видит в том, чтобы представить «дух и состав языка их, как он существует в устах народа»⁶. Иными словами, по мысли Савваитова-языковеда, устные произведения в полной мере отражают своеобразие зырянского языка, народного мировидения и нрава, тогда как литературный пересказ фольклорных сюжетов несет в себе признаки искусственности.

В сущности, в письме к Мельникову Савваитов выразил общий методологический посыл руководства РГО, согласно которому собиратели материалов освобождались от его интерпретации (последнее возлагалось на профессиональных исследователей). Существовало мнение, что только таким образом сохраняется чистота и беспримесность фиксации народных текстов и обрядов. Научное значение собирательской работы, которую предлагалось выполнить скорейшим образом, объяснялось стремительным исчезновением языков и традиционного уклада жизни российских народов, о чем было заявлено в учредительных документах Географического общества⁷. В числе исчезающих народов мыслились и коми-зыряне, причем такая точка зрения была распространена и в среде местных краеведов-этнографов. Так, в предисловии к книге *Зыряне и Зырянский край* (1874) ее

⁵ Там же, л. 6-7.

⁶ П. Савваитов, *Грамматика зырянского языка*, Типография Императорской академии наук, Санкт-Петербург 1850, с. VIII.

⁷ См. об этом: М. Лескинен, *Понятие нрав народа в российских этнографических концепциях XIX века* // „Славянский альманах” 2006, с. 284.

составитель и член Вологодского губернского статистического комитета Клавдий Попов пишет:

Зыряне все более и более расширяющимися шагами идут по пути к окончательному обрусению [...]. И уже не за горами то время, когда слово «зыряне» лишится живого содержания и будет достоянием истории. Но и история наследует лишь пустой звук, если в современной литературе не останется следов этого пока живого, но без шума и огласки угасающего народа⁸.

Свою задачу Клавдий Попов видит в составлении такого труда, который сохранит в прочной форме и неотложно сделает общедоступными сведения о зырянах и Зырянском крае. Очевидно, этими же целями руководствовался Павел Савvaitов при оценке рецензируемых им рукописей, которые, с его точки зрения, должны были открывать «дух и понятия» народа в их «натуральном», не опосредованном авторской субъективностью и фантазией виде.

Таким образом, особенности народоведческого пласта местной словесности во многом определялись востребованностью этнографической информации. В результате сложился особый тип очерковых сочинений, которые как бы вбирали в себя народные сюжеты и тексты, но в целях, как писал Савvaitов, знакомства с «характером и образом мыслей народа, его историей, нравами, обыкновениями и страстями»⁹. Не случайно очерковая словесность проявляла интерес не ко всем жанрам фольклора, а к тем из них, в которых, по мысли отечественной науки, с наибольшей силой проявляется «субстанция народного духа, по которой, как по данному факту, можно судить о том, чем будет народ, что и как может из него развиться впоследствии»¹⁰. По аналогии с самыми авторитетными собраниями произведений русского фольклора в центре зыряноведческого интереса оказа-

⁸ К. Попов, *Зыряне и зырянский край. Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*, т. XVIII, вып. 2, Типография С.Н. Архипова, Москва 1874, с. I.

⁹ Цит. по изданию: В. Гура, *Вологодский край и его народная поэзия. История собрания и изучения // Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края: сказки, песни, частушки*, т.1, Северо-западное издательство, Архангельск 1965, с. X.

¹⁰ В. Белинский, *Статьи о народной поэзии // того же, Полное собрание сочинений в 13 томах*, т. 5: *Статьи и рецензии 1841–1844*, Издательство Академии наук СССР, Москва 1954, с. 329.

лись пословицы, загадки, сказки и народная лирика. Именно эти жанры выбраны и помещены Савваитовым в приложении к его *Грамматике зырянского языка* (1850), чтобы выразить дух зырянского языка и народа; исключительно эти же виды устной поэзии присутствуют в очерковых описаниях зырянских обычаев и обрядов (Евгений Кичин *Братчина*, 1852, Степан Мельников *Вечеринки и игрища в Усть-Сысольске*, 1852 и др.). Самостоятельное значение произведений народного творчества авторами очерков рассматривается редко, еще реже оцениваются поэтические достоинства публикуемых образцов. Так, Степан Мельников в очерке *Разнообразная ловля оленей и предрассудок зырян* (1853) рассказывает о зырянском способе ловить оленей петлями и приводит текст, с помощью которого одна партия промышленников будто бы заговаривает петли другой, «от чего олень никак не попадает в них». Автор явно рассчитывает на читателя, не знакомого с промыслами зырян, поэтому акцентирует внимание на назначении заговора, о самом же публикуемом им народном тексте сказано лишь то, что он «отличается наивностью»¹¹.

О том, что интерес к искусству коми народного слова еще не сформировался, говорят и очерки, в которых объектом авторского внимания выступает непосредственно сам вербальный фольклор: авторы очерков заявляют о намерении познакомить читателя с плодами народного творчества, но в своих комментариях либо не касаются поэтических сторон народных сочинений, либо сопровождают последние негативными оценками.

Разговорная, несколько ироническая форма, в которую облечены эти народные создания, довольно тяжела от беспрестанного повторения первых вступительных фраз, что мешает цельности впечатления и значительно уменьшает интерес самого содержания их¹², — пишет учитель Усть-Сысольского уездного училища Павел Кокшаров о произведениях, включенных им в очерк *Две зырянские сказки* (1863). А вот мнение другого знатока зырянской народной поэзии и тоже учителя Василия Ардашева о зырянских песнях, замечательных, по его мнению, тем, что «не понятны ни зырянам, ни русским»:

¹¹ С. Мельников, *Разнообразная ловля оленей и предрассудок зырян // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века*, сост. и предисловие В. Лимеровой, Кола, Сыктывкар 2010, с. 313.

¹² П. Кокшаров, *Две зырянские сказки // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века...*, с. 339.

Зырянин-печеряк поет свои песни до тех пор, пока не наскучит себе и другим. Попробуйте спеть хотя один куплет, вы сами убедитесь в том, как «приятны» зырянские песни. В них нет ни складу, ни смысла: вот причина, почему зыряне поют большей частью русские песни; они хотя и не понимают их (особенно женщины), зато поют нечто складное. Если зырянин не понимает русской песни, так не понять ее и русскому, до такой степени она бывает испорчена, а иногда и переделана на зырянский лад¹³.

С ноткой раздражения авторы рассуждают о зырянских сочинениях, которым не могут найти жанровых аналогий в собраниях русского фольклора. Так, тот же Василий Ардашев, включив в свой очерк оригинальную песню-сказку *Рой, рой, да кытчö жö тэ ветлін?* (*Рой, рой, да куда же ты ходил?*), испытывает затруднения в определении жанра фольклорного текста и восклицает: «Песни мы делим по содержанию их на свадебные, плясовые и проч. К какому же отделу отнести эту песню?!»¹⁴. «Не подходящим ни под какую форму» называет пение зырян Юрий Волков, а самих исполнителей сравнивает с чичиковским Петрушкой, который читал для той цели, что «вот буква да буква, сложить и все что-нибудь да выходит»¹⁵. Правда, тут же отмечает, что «у зырян на Удоре, Лузе и Сысоле имеются свадебные песни, хотя и очень немного»¹⁶. Однако и это допущение Волкова позднее подвергнуто сомнению Клавдием Поповым, автором цитировавшейся выше книги *Зыряне и зырянский край*. В разделе *Зырянский язык и произведения народной словесности* он пишет:

Несмотря на то, что обнародовано множество заметок о зырянах, что многие из лиц, посещавших Зырянский край, и даже из природных зырян, печатали все, что им казалось замечательным и незамечательным, мы не имеем в виду ни одного произведения собственно зырянской поэзии¹⁷.

И далее приводит свои контраргументы против сообщенных Волковым сведений, «будто песни у зырян есть и свои, преимущественно свадебные»:

¹³ В. Ардашев, *Зырянские загадки и песни // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века...*, с. 334.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Ю. Волков, *Заметки и впечатления охотника по Вологодской губернии // Зыряне и зырянский край в литературных документах XIX века...*, с. 209.

¹⁶ Там же, с. 210.

¹⁷ К. Попов, *Зыряне и зырянский край...*, с. 54.

СПЕЦИФИКА ПРЕЗЕНТАЦИИ КОМИ ФОЛЬКЛОРА...

Мы не слышали там свадебных песен, но имеем основание думать, что именно свадебных-то песен и не может быть у зырян собственных своих, потому что все брачные обряды, вся терминология их взяты у русских¹⁸.

Напомним, что еще в 1839 году столичный альманах *Утренняя заря* опубликовал очерк Николая Надеждина *Народная поэзия у зырян*, в котором дана высокая оценка коми народной лирики. Вступив в полемику с теми, для кого зырянский язык нем, Надеждин предоставил читателю неопровержимые доказательства бытования у зырян собственной, самородной, ниоткуда не заимствованной поэзии — слышанные им самим «слезные слова девушки-невесты». С улыбкой сетуя, что не все знают поэзию зырянски, он приводит тексты «слов» в своем переводе и уверяет, что зырянская поэзия, как и везде поэзия народная, «простая, бесправильная, безыскусственная, у которой нет ни школьной сановитости, ни салонного кокетства, нет классического парика, нет и романтической бородки»¹⁹, способна погрузить в такое чистосердечное умиление, какого не производят «ни вздохи, ни стоны, ни завывания книжной элегической поэзии»²⁰. Год спустя надеждинские переводы «слезных слов» зырянской девушки-невесты были перепечатаны *Вологодскими губернскими ведомостями* (1840, № 4), затем цикл свадебных причитаний в записях Василия Куратова вышел в приложении к *Грамматике зырянского языка* Павла Савваитова, и, казалось бы, существование песенной лирики у коми должно было стать фактом доказанным. Между тем, «неохоту» зырянина к собственным песням отмечает чуть ли не каждый автор, взявшийся говорить о зырянской поэзии. Нет, оказывается, у зырян и своих сказок, а все, что сказывается, «не суть произведения зырянского вымысла, и они переняты от русских»; «замечательно, что даже загадки зырян, как нам кажется, русского происхождения, по крайней мере форма их русская»²¹, — таково резюме Клавдия Попова, сделанное им на основании народных текстов, опубликованных в *Вологодских губернских ведомостях* ко времени написания его труда. Мнение Попова может показаться поверхностным и даже

¹⁸ Там же.

¹⁹ Н. Надеждин, *Народная поэзия у зырян // В дебрях Севера. Русские писатели XVIII–XIX веков о земле Коми*, сост. и автор вступит. статей З.Я. Немшилова, Коми книжное издательство, Сыктывкар 1999, с. 58.

²⁰ Там же, с. 65.

²¹ К. Попов, *Зыряне и зырянский край...*, с. 57.

оскорбительным для коми, но обратим внимание, что в его высказывании речь идет только о дошедшей до печати народной словесности, и, следовательно, о просчетах ее собирателей и публикаторов. Клавдий Попов проницательно замечает, что коми фольклор уподобляется русскому еще на стадии его собирания, что коми, как и любой другой народ, одарены поэтическими наклонностями, но оригинальная часть коми фольклора остается за кадром современного ему зырянноведения: «если искатели зырянской поэзии и не находят ее там, где ищут, т.е. в песнях, сказках и т.п., то это от того, что она выражается в других, для нас не понятных формах»²². В доказательство существования самостоятельного устнопоэтического слова у зырян он указывает на оригинальность распространенных в народе «писес» (речь идет о вариантах *Рой, рой, да куда же ты ходил?*), которые «одни называют песнями, а другие сказками; но это не песни, потому что не поются, и не сказки, судя по содержанию», обращает внимание на немногочисленные предания исторического содержания, которые относятся преимущественно ко времени крещения коми-зырян, и другие, предлагающие заглянуть в доисторические времена, но «искаженные лицами их записавшими»²³.

Итак, задача описания оригинальных черт коми-зырян на совершенно естественно вовлекала в писательский оборот такую область народной жизни как фольклор и более всего те его жанры, которые представлялись наиболее эффективно выражающими народный нрав. Однако сами жанры определялись методом аналогии с русским фольклором, что приводило авторов к выводам об исключительно заимствованном характере исполняемых зырянами произведений, создавало впечатление о бедности зырянской фантазии. Принцип литературной презентации устнопоэтической культуры коми-зырян методом ее неравного критического сопоставления с культурой титульного народа империи был преодолен лишь в начале XX века. Вместе с тем, участие местной пишущей интеллигенции в сборе фольклорного материала, а затем и его включение в собственные очерковые сочинения оказали благотворное влияние на процесс становления национальной литературной традиции, послужив отправной точкой на пути выявления самобытных черт коми человека и формирования его литературного образа.

²² Там же.

²³ Там же, с. 56.

СПЕЦИФИКА ПРЕЗЕНТАЦИИ КОМИ ФОЛЬКЛЮРА...

Walentina Limierowa

SPECYFIKA PREZENTACJI FOLKLORU KOMIAKÓW W LITERATURZE LUDOZNAWCZEJ KRAJU KOMI W XIX W.

Streszczenie

W artykule podjęto problem badania ludoznawczej prozy dokumentalnej, powstałej z inicjatywy inteligencji zamieszkującej Kraj Komi w XIX w. W charakterze materiału egzemplifikacyjnego wykorzystano teksty folkloru i wypowiedzi o twórczości ludowej Komiaków. Ta dziedzina kultury duchowej stanowiła jeden z czynników kształtujących mentalność i poczucie tożsamości narodowej Komiaków, przez badaczy była jednak postrzegana w kategoriach gatunkowych charakterystycznych dla folkloru rosyjskiego. Wszelki brak analogii w tym zakresie prowadził badaczy do błędnego wniosku o wtórności tradycji ludowej Komi i jej ubóstwie twórczym w stosunku do folkloru rosyjskiego.

Valentina Limerova

SPECIFICITY OF PRESENTATION OF KOMI FOLKLORE IN FOLK LITERATURE OF THE KOMI REGION OF THE XIX CENTURY

Summary

The article is devoted to the study of ethnographic essay prose created by the local intelligentsia of the Komi region in the XIX century. The material of the study are the texts and judgments about the folklore of the Komi people. The principle of literary presentation of Komi folklore samples in comparison with the genres of Russian folklore is established, as well as in connection with the tasks of the ethnographic science of its time, which studied folklore in order to reveal the characteristics of the ethnos.